

З ІСТОРІЇ РЕВОЛЮЦІЇ ТА ГРОМАДЯНСЬКОЇ ВІЙНИ В УКРАЇНІ

Олег Божко
(Київ)

ГЕНЕРАЛ-ХОРУНЖИЙ АРМІЇ УНР *Невідома автобіографія Ю. Тютюнника **

Юрій Йосипович Тютюнник відіграв помітну роль у боротьбі українського народу за державність і незалежність у 1917-1921 рр. Він не мав фахової освіти, однак зумів реалізувати свій талант воєначальника, командував великими повстанськими формуваннями і з'єднаннями регулярної армії, зокрема організував щонайменше три великих рейди по тилах противника (травень-червень 1919 р., 1-й Зимовий похід грудня 1919 р. – травня 1920 р., 2-й Зимовий похід листопада 1921 р.).

Ю.Тютюнник лишив чималу літературну спадщину, переважно спогади ¹. Про його діяльність так чи інакше писали всі автори, які займалися історією революції та громадянської війни. Довідки про Ю.Тютюнника є у всіх значних українських енциклопедіях. Нарешті, останніми роками з'явилися його біографії – статті і брошура ².

Однак, хоча життя і діяльність Ю.Тютюнника висвітлені набагато краще, ніж біографії абсолютної більшості керівників визвольної боротьби українців 1917-1921 рр., все ж відомо про нього надто мало. Автобіографія Ю.Тютюнника, яка публікується нижче, дає чимало нової інформації й прояснює багато питань, перекручених його біографами. Так, у спогадах Ю.Тютюнник всіляко уникав писати про своє особисте життя і внутрішні переживання, акцентував увагу на зовнішній стороні подій, в автобіографії – навпаки. Досі нічого не було відомо про родину Ю.Тютюнника і його дитинство. Йому приписували спеціальну сільськогосподарську освіту й робили учнем Самиренка, плутаючи його з одним із старших братів. Автобіографія з'ясовує цю недоречність, однак залишає без відповіді інше питання: де Ю.Тютюнник одержав незакінчену вищу освіту, про яку згадував у своїх анкетах?

Автобіографія вносить також ясність у відношення Тютюнника до Вільного козацтва, його особисті стосунки з гетьманом П.Скоропадським, роль у повстанні отамана М.Григор'єва тощо. Вона містить цінну, досі невідому інформацію про повстання у Києві проти гетьмана у грудні 1918 р., про джерела формування Селянських дивізій влітку 1919 р., про особисті стосунки в вищому політичному і військовому керівництві УНР і

* Прізвище Ю.Й.Тютюнника подається за сучасним українським правописом – з двома літерами «н». Таке написання є загальноприйнятим й в сучасній українській історіографії (див., наприклад: Малий словник історії України. – К., 1997. – С. 395).

таке інше.

Автобіографія написана, найбільш імовірно, в 1923 р., можливо, – на початку 1924 р., після виведення Ю.Тютюнника в результаті чекістської операції з Польщі на територію УСРР. Як видно з першого речення, вона писалася не довільно: автор зосереджувався на розкритті питань, поставлених головою ДПУ УСРР В.А.Балицьким.

Архівна справа, в якій знаходиться автобіографія, не має відношення до допитів Тютюнника після його захоплення чекістами у 1923 р. Найімовірніше, вона була перекладена на російську мову, й примірник перекладу передали до якогось з підрозділів ДПУ для довідкової роботи. Хоча Ю.Тютюнник володів російською мовою, адже кілька років він служив у старій російській армії, ми не схильні вважати, що він писав свою автобіографію саме нею: навіть після другого арешту в 1929 р., коли він адаптувався до радянської дійсності, російськомовні бланки ДПУ Ю.Тютюнник заповнював українською мовою і всі власноручні свідчення подав також нею.

Документ являє собою незасвідчену копію. Його надруковано на цигарковому папері. Нумерація сторінок з 1-ї по 23-ю – подвійна: машинописні цифри продубльовані олівцем. Сторінки 24-37 пронумеровані лише машинописним способом.

В документі відсутні сторінки 26, 33 і 34. Можна припустити, що в одному місці сторінка не пропущена, а просто порушена нумерація: замість «25» помилково надруковано «26». Між цими сторінками немає ні синтаксичного, ні логічного розриву. На сторінках 33 і 34, очевидно, містилася інформація про хід чекістської операції по виведенню Ю.Тютюнника на територію УСРР.

Автобіографія достовірна в тій частині, де йдеться про особу самого автора, його дії та погляди. Написане ним у 1923 р. підтверджується листуванням з С.Петлюрою з липня 1920 р., яке збереглося в архівах, а також свідченнями Ю.Тютюнника на допитах після другого арешту, в 1929 р. Своїх поглядів він ніколи не приховував, однак те, що зближувало його з радянською владою в 1923 р., в 1929 р. стало підставою для арешту і страти.

*Фотографії Ю.Й.Тютюнника з архівної кримінальної справи
№ 73862-ФП, що зберігається у Державному архіві
Служби безпеки України*

Зокрема, в лютому 1929 р. він погоджувався з характеристикою своїх поглядів як націонал-фашистських, заявив, що незалежна українська держава може бути тільки буржуазною, а пригноблена нація, визволяючись, перш за все мусить встановити національну диктатуру тощо. Свідчення він писав власноручно, давав їх без видимого тиску. Однак ні в автобіографії, ні на допитах 1929 р. Ю.Тютюнник не дав якихось докладних відомостей про діяльність інших осіб, з якими був пов'язаний спільною політичною і військовою діяльністю. Тютюнник в ДПУ говорив і писав правду і тільки правду, однак, – не всю правду.

Поставлений в 1923 р. перед вибором: смерть або співробітництво з радянською владою, Ю.Тютюнник вибрав співробітництво. Для широкого загалу було оголошено, що він перейшов в УСРР добровільно і що це стало підставою для амністії. Так само було вчинено з групою його близьких співробітників. Матеріали справи 1929 р. дають можливість припустити, що в 1923-1924 рр. Ю.Тютюнник нікого ДПУ не видав.

Після звільнення він викладав у Харківській школі червоних старшин. За непевним свідченням Г.Беседовського, колишній генерал-хорунжий читав курс «Стратегія і тактика громадянської війни» («лекції по бандитизму», за висловом Ю.Тютюнника)³. Остання посада Ю.Тютюнника – секретар-інспектор ревізійної комісії Всеукраїнського державного акціонерного товариства торгівлі (ВАКОТ). Крім того, він співробітничав з Всеукраїнським фотокіноуправлінням, писав сценарії. До кінофільму «Звенигора» (1928 р., режисер О.П.Довженко) Ю.Тютюнник написав сценарій у співавторстві з М.Йогансеном і О.П.Довженком. Місцем дії в ньому були

рідні місця Ю.Тютюнника. В художньо-документальному фільмі «П.К.П.» («Пілсудський купив Петлюру») Ю.Тютюнник зіграв самого себе.

В УСРР Ю.Тютюнник також написав і опублікував три книги. Автобіографія, за винятком суто особистих епізодів, була покладена в основу твору «З поляками проти України» (Х., 1924).

Вдруге Ю.Тютюнника заарештували 12 лютого 1929 р. у Харкові. В березні 1929 р. його переправили до Москви в розпорядження Контррозвідувального відділу ОДПУ. 3 грудня 1929 р. Колегією ОДПУ Тютюнника засуджено до розстрілу з вказівкою не виконувати вирок до особливого розпорядження. Вирок виконано 20 жовтня 1930 р.

Дружина Юрія Тютюнника Віра Андріївна з дочками Ольгою й Галиною в 1932 р. мешкала на ст. Куцівка Північно-Кавказького краю. Подальша їхня доля невідома.

Примітки

¹ [Спогади] // Літературно-науковий вісник. – Львів, 1922, кн. 2; 1923, кн. 1, 3, 4, 6; Те саме див.: Дзвін. – Львів, 1991, №№ 7, 8; Тютюнник Ю. Зимовий похід 1919-20 рр. – Частина 1 (Політичний огляд): 3 документами в тексті і додатках. – Коломия-Київ, 1923; Тютюнник Ю. Под флагом демократии и национализма / Авторизованный перевод с украинской рукописи. – Х., 1924; Тютюнник Ю. З поляками проти України. – Х., 1924; Тютюнник Ю. Нариси Західної України. – Х., 1925.

² Логвиненко І. «Авантюрник з неабиякою головою» // Україна. – 1989. – № 15. – С. 15-19; Романчук О. Суперник Головного Отамана // Дзвін. – 1991. – № 7. – С. 79-83; Тинченко Я.Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. – К., 1995. – С.197-200; Колянчук О., Литвин М., Науменко К. Генералітет українських визвольних змагань. – Львів, 1995. – С. 254-256; Бурнашов Г. Генерал-хорунжий Юрій Тютюнник: Чекістська справа № 39. – Івано-Франківськ, 1996; Горак В. Витязь із симиренківського саду // Час. – 1997. – 24-30 квітня.

³ Беседовский Г.З. На путях к термидору. – М.: Современник, 1997. – С. 128.

Ю.Й. Тютюнник

[АВТОБІОГРАФІЯ] *

На вопросы, заданные мне Председателем Государственного Политического Управления т. Балицким, сообщаю следующее:

Мои родители, Иосиф и Марина, оба были детьми крепостных, хотя сами не работали на барщине, зато очень хорошо ее помнили и при случае рассказывали про нее детям. По своему социальному положению они принадлежали к так называемым середнякам. Хозяйство имело шесть десятин полевой земли и одна и три четверти усадебной. Детей родители имели 9 чел., из них выросли только 5 – четыре сына и одна дочь.

Родился я 20 апреля ст. ст. 1891 г. в с. Будищах Пидиновской волости Звенигородского уезда на Киевщине. Как тогда водилось, меня окрестили и

* Державний архів Служби безпеки України. – [Ф. 13. –] Спр. 439. – Арк. 1-37. – Копія.

назвали Георгием (Юрием). Родители любили рассказывать про случай во время моего крещения: будищанский поп не захотел меня крестить, потому что отец передал попу через кумовей лишь одну бутылку водки и добрый кусок сала, а поп требовал курицу. Отец рассердился и повез меня крестить в соседнее село Майдановку, где поп был беднее; там меня и записали, как появившегося на этот свет. Этот случай имел влияние на дальнейшее отношение будищанского попа к семье моего отца, а также и ко мне лично. Поп был чрезвычайно злоблив и не хотел забыть про утерянную водку и курицу.

Помню себя очень маленьким. Первые мои воспоминания относятся к времени, когда я болел какой-то детской болезнью и мать выносила меня на руках из хаты и при месяце что-то шептала надо мной и сплевывала на сторону. Потом она возвращалась в хату, ложила меня спать и, перекрестивши окна большим кухонным ножом, сама ложилась рядом со мной. Те суеверия производили на меня огромное впечатление, потому они и остались надолго в моей памяти. Болел я очень часто. Не имея возможности присматривать меня, мать и все стар[шие уход]или в поле работать, а меня запирали на ключ на целый день [одного в ха]те, чтобы я как-нибудь не попал в колодезь или пруд, ко[торый был] недалеко от нашей хаты.

На шестом году я уже пас отцовских и соседских ов[ец, зарабатыва]вая восемь-пятнадцать копеек в неделю. В том же г[оду] отец начал меня учить читать и писать (отец [обучился гра]моте на военной службе во время войны с турками в 1876-1877 г.). Отцовская наука пошла мне на пользу. Когда на восьмом году отец повел меня в сельскую школу, то я уже умел кое-как писать и читать, Школьные годы оставили у меня приятные воспоминания. Мой учитель Трофим Мазурко был добрым человеком, к тому же наука мне давалась чрезвычайно легко. Товарищество школьных дней мне было приятнее опеки матери, которая таки часто брала меня за чуб или измеряла мою спину розгами. Не скажу, чтобы я не заслужил такого поведения со мной – любил выкинуть какую-либо штуку. Помню, что один раз меня били вдвоем отец и мать за то, что я загулялся и пустил нашу корову в помещичьи бураки, за что отцу пришлось платить штраф – целый рубль. Зимой я ходил в школу, а летом пас скотину на сельской толоке. Часто будищские пастухи объявляли «войну» пастухам соседних сел. Те «войны» редко доходили до битв, лишь маневрировали, т.е. одни гнались за другими, а те удирали, но было что и головы разбивали один другому. Такие «войны» я любил – бегал очень быстро и при неудаче имел полную возможность удрать от врага.

На одиннадцатом году я окончил одноклассное сельское училище. На семейном совете обсуждался вопрос по продолжению моего образования. Сам отец по своему понимал пользу науки. Двух сыновей, – старшего Ивана и третьего Моисея – он выучил в городском училище в г. Звенигородке. Второй сын, Макарий, назначен был отцом «на хозяина». Я

был самым младшим. Решалась моя судьба – быть ли мне «хозяином» или учиться мне на «пана». Для отца этот вопрос имел огромное значение, он напряг все усилия, чтобы выучить Ивана и Моисея. Хозяйство было истощено до конца. Несмотря на это, не истощенность хозяйства сыграла главную роль в решении моей судьбы.

Брат Иван был старше меня на 11 лет. По окончании городского училища он поехал в Киев, где и работал в различных канцеляриях. Работая учился. Выдержал экзамен за гимназию и получил аттестат зрелости, потом прослушал высшие сельскохозяйственные курсы. Временами он приезжал в с. Будищи и привозил много книжек. В марте 1902 г. он переезжал из Киева в местечко Тальное в имение графа Шувалова, где получал должность. По дороге заехал в с. Будище и завез две огромные корзины с книгами. Кроме того, он выписывал для нас журналы «Образование», «Журнал для всех» и «Земледелие». Я страстно увлекся чтением. Читал сказки и геометрию, басни и зоологию, повести и ботанику и много других вещей. Читал без всякой системы, без чьего-бы то ни было руководства. Понятно, что читал только в то время, когда не работал.

2 мая 1902 г. в с. Будище приехали невиданные и страшные гости. Были там и чиновники особых поручений при губернаторе, и тов. прокурора, и жандармский ротмистр Васильев и еще много разного люда в блестящих погонах и городской одежде. Они окружили нашу хату и начали делать обыск. Перевернули вверх ногами все, что было. Били отца, били брата Макария, кричали на мать и на остальных детей, в заключение арестовали всех и повели за село по дороге на Звенигородку. За селом еще кричали и ругались, потом освободили мать, сестру и меня, а отца и брата Макария повели в город и посадили в тюрьму. Ивана арестовали в местечке Тальном и заключили в Уманскую тюрьму. Отца выпустили дней через пять, братьев держали больше полутора месяца, потом выпустили под надзор полиции.

Во время, когда братья сидели в тюрьме, отец со мной ездил в город, чтобы увидеться с ними. Долго простаивали мы под воротами тюрьмы, но нас не пускали. Я видел и чувствовал семейное горе. В то время я начинал ненавидеть всех, кого считал причиной нашего горя. Само собой понятно, что наиболее виноватыми, по моему мнению, были городовые да тюремные надзиратели, которые не пускали нас видеться с братьями.

Необходимо прибавить, что с. Будище реагировало на этот случай по-своему. Неизвестно, кто распускал слухи, что начальство будет жечь села, потому что, якобы в селах спрятаны «афиши», в каковых призывают народ к бунту против царя и панов. Чтобы доказать свои верноподданические чувства с. Будище несколько раз собиралось на сход, где все кричали: «Нужно Иосифа (моего отца) в Сибирь сослать, пусть не восстает со своими сыновьями против царя, всю семью выслать». Темное село поддавалось провокации и готово было учинить самосуд над нашей семьей.

И все это происходило несмотря на то, что отец до того времени пользовался уважением.

В это время происходили большие крестьянские восстания на Левобережьи. Все эти происшествия оставили глубокий след в моей детской душе. В ней являлись вопросы: «За что так издевается начальство над моей семьей? Чего оно так боится «афиш»? В самом ли деле отец и мои старшие братья хотели восстать против царя, а когда хотели, то по какой причине и с какой целью?» Я нигде не мог получить на эти вопросы ответа, я только ненавидел и хотел мести над виновниками нашего горя.

Как я позже узнал, «афиши» таки были. Привез их брат Иван из Киева, а Макарий распространял. Полиция напала на следы, и последствием этого была вся оказия с обыском и арестами. При обыске ничего неразрешенного не нашли, а отец и братья упорно отказывались, что ничего не знают про «афиши». Были то прокламации Киевской организации Социалистов-Революционеров, членом которой был брат Иван.

Этот чрезвычайный случай решил вопрос про продолжение моего учения в отрицательном смысле. Отец говорил: «Довольно с меня того, что за старших таскают по тюрьмам». К тому же приближалось время, когда Макарий должен был оставить хозяйство и идти на военную службу. Естественно, что заменить его должен был я, помогая отцу в хозяйстве. А мне хотелось учиться.

Скоро Макария забрали на военную службу. Отец заболел. Мне в то время минул 13 год. Я оказался в роли одинокого работника-мужчины в хозяйстве. Я орал, сеял, возил навоз, сено, снопы, смотрел за скотиной. Видел, как горевала мать и хотел облегчить ее долю. Родители боялись, чтоб я не надорвался. В то время немного времени я имел для чтения, но все же читал: страсть к чтению увеличилась.

Началась война с Японией, а с нею и революционное движение, хотя в селе сразу было тихо. Лишь осенью 1905 г. и с. Будище зашевелилось. Я не пропустил ни одного собрания, ни одного митинга, неведомая сила тянула меня туда. Со всего, что говорилось на митингах и собраниях, понял я, что народные массы не удовлетворены своей долей, и что единственным желанием их было – «земли».

Потом явились на селе карательные экспедиции. Застонало село. Зато теперь никто уже не собирался «выслать в Сибирь тех, которые против царя восстают». Наоборот, наша семья приобрела авторитет и уважение.

Весной 1906 г. вернулся Макарий с военной службы; он там принадлежал к революционной организации и, возвратившись, много рассказывал о целях революционного движения.

Начали гореть помещичьи имения на Украине. Со своими сельскими товарищами, по собственной инициативе, сделали и мы несколько поджогов экономии, которые были вокруг села.

Скоро брату Ивану пришлось бежать за границу – угрожала ссылка в Сибирь. Он бежал во Францию, потом в Швейцарию, – где и умер. Отец умер, когда мне было 16 лет. Я продолжал читать. Теперь меня больше интересовали книжки по сельскому хозяйству, кооперации, политической экономии и т.п. На 18-м году напечатана была моя первая корреспонденция в «Киевской Земской газете». После этого я стал постоянным корреспондентом и сотрудником «Земской газеты». Помещал статьи по сельскому хозяйству, кооперации, садоводству и т.п. Со временем стал сотрудником еще нескольких специальных журналов.

К тому же времени нужно отнести развитие национального сознания в моей душе. Причин этому было много. Главнейшие из них: 1. На себе лично и на своей земле я почувствовал гнет власти [в оригиналі – «клас-таи»], которая была «русской». 2. Все земельные и неземельные крупные имения на Украине принадлежали людям чужой национальности. 3. Рос я в местности, где из рода в род передавались традиции казацкой борьбы против панов за Украину. Кроме того, в двух верстах от нашего села была Кирилровка, где все помнили революционную проповедь Шевченко, которую он проводил на украинском языке. 4. Влияние моих старших братьев, которые никогда не скрывали передо мной своих чувств.

В начале 1913г. судьба занесла меня в стены русской казармы. Вывезли меня с Киевщины к Владивостоку, где назначили в 6-й Сибирский полк. Оторванность от родного края, поведение тогдашнего командования со всеми нерусскими, денационализаторские методы воспитания в казарме и много иных причин увеличили мою ненависть к угнетателям [в оригиналі – «к угнетенным»] и любовь к своему родному, украинскому. Там, в 6-м Сибирском полку я смог наладить связь с наиболее революционным элементом в войсках и среди населения. Наибольшее влияние на меня имел один из моих коллег – Артюхов (землемер – уроженец Нижегородской губернии). Его убеждения во многом, особенно в национальном вопросе, сходились с теперешними взглядами коммунистической партии.

Не имея возможности добыть иную литературу, я набросился на военную и учебники по разным наукам. Это мне удавалось добыть, хотя и в ограниченном количестве, от некоторых молодых офицеров и в военных библиотеках. На войну против Германии вышел унтер-офицером. Пошел на войну с ненавистью не только к форме власти, каковая тогда была, я ненавидел саму Россию, считал ее в целом врагом Украины. Понятно, что при таких убеждениях ненадежный был в моем лице «защитник царя и отечества». Несмотря на это, я все же не решался открыто перейти на сторону немцев, а бежать куда-нибудь не находил возможным, потому что не имел никаких связей с революционными организациями ни в России, ни за границей.

В октябре 1914 г. я был тяжело ранен в голову в боях недалеко от Лодзи. После лечения был короткое время в отпуску. После этого попал в

27 запасный полк (г. Кременчуг), откуда меня опять послали в 6-й Сибирский полк, который тогда дрался недалеко от озера Нарочь. Там командование предложило мне держать экзамен в военное училище. После двухмесячной подготовки меня послали в Киев, где я выдержал испытание при 1-й Киевской гимназии. Потом послали меня на Кавказ, где я окончил во второй половине 1915 г. военную школу в г. Гори (Тифлисской губ.). Со школы поехал опять в 6-й Сибирский полк. Меня опять ранили, но в этот раз уже легко в руку, зато общее состояние моего здоровья значительно ухудшилось. Болел я на горло и легкие. Вылечивши мою рану, меня послали в г. Симферополь в 32 запасный полк.

В 32 запасном полку я нашел хорошее товарищество молодых офицеров-украинцев, революционно настроенных. В воздухе чувствовалось приближение восстания против [в оригинале – «акта»] монархии, среди офицеров особенно отличались своей революционностью прапорщик Комличенко и поручик Ибрагимов (татарин). Пришел конец февраля 1917 г. Революция стала фактом. Я сразу же с головой окунулся в море революционной стихии. Меня выбрали членом Гарнизонного Совета Симферополя и членом полкового комитета. На первом крестьянском съезде меня выбрали председателем Симферопольского крестьянского союза. Работая в общереволюционных организациях, все же наибольшее внимание уделял я организации украинских солдатских масс под национальным флагом. Понемногу, но упорно украинское национальное движение набирало размах стихийного движения. Загнанные, осмеиваемые и оплевываемые «хохлы» почувствовали весь позор обращения с ними как русской буржуазии, так и так называемой демократии – Керенский, Церетели и т.п.

В Симферополь долетали политические и социальные лозунги большевиков, но они пока не находили отзвука в массовой душе. В практической своей деятельности я в то время шел при решении большинства вопросов за партией Украинских социалистов-революционеров, каковая была наиболее революционной партией на Украине, по крайней мере мне так казалось. К временному правительству и его политике я занимал открыто враждебную позицию. Формула «постольку – поскольку» меня не удовлетворяла. На втором Симферопольском крестьянском съезде я внес резолюцию о недоверии временному правительству. Победили русские социалисты-революционеры. Мой проект был отвергнут, хотя и незначительным количеством голосов. Это было причиной моего отказа от председательствования в Симферопольском крестьянском союзе. Был я в числе присутствовавших и на 1-м Таврическом крестьянском съезде. Тяжелое впечатление осталось у меня от дебатов по поводу введения «рідної мови» хотя бы в начальных училищах. Несмотря на подавляющее большинство нерусского населения тогдашней Таврической губернии, русская демократия никак не могла согласиться с «расчленением России», каковое она

видела в свободном развитии народов нерусской национальности. Там же, в Крыму, в самом начале Революции, я познакомился с Верховским, который позже был военным министром в кабинете Керенского, – это был первый человек, причислявший себя к русской демократии, который не враждебно относился к украинскому национальному движению.

В половине мая 1917 г. в Крым приехал Керенский. Он предложил мне перевод в Штаб Одесского Военного Округа, обещая какую-то «высшую должность». Но к тому времени у меня развилось органическое отвращение к временному правительству и вообще русской демократии. Я целиком отдался работе среди украинских масс. Потому я не согласился на перевод меня в Одессу, а Керенский не настаивал на этом.

Моя работа среди украинских масс не понравилась симферопольским меньшевикам и с.-р. Они послали на меня донос Керенскому. Тот издал приказ о переводе меня в г. Ектеринослав в 228 запасный полк. Но в то время я был уже избран делегатом на 2 Всеукраинский съезд, куда и выехал, несмотря на запрещение съезда Керенским. На всеукраинском военном съезде меня избрали членом Центральной Рады. Я остался в Киеве и начал работать как член Украинского Революционного центра, и опять-таки, оставаясь беспартийным, я всегда поддерживал наиболее радикальные течения Центральной Рады. В это время мое политическое мировоззрение устанавливается. Я начинал смотреть на Революцию на Украине как на Революцию национальную. ЦЕЛЬЮ УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ Я СЧИТАЛ НАЦИОНАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ, И В ДАЛЬНЕЙШЕЙ СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Я ПОДХОДИЛ К ОЦЕНКЕ КАЖДОГО ФАКТА, КАЖДОГО ЯВЛЕНИЯ с точки зрения НАЦИОНАЛ-РЕВОЛЮЦИОНЕРА.

Не могу сказать, чтобы политика Центральной Рады меня удовлетворяла. Прежде всего та политика не имела определенной цели, а потому не могла иметь определенной тактики. Причину этого нужно искать в том, что Украинская Нация, будучи в страшном угнетении, не успела создать определенной национальной идеологии, потому и неудивительно, что Центральная Рада в своей национальной политике колебалась от «куцой» автономии до самостоятельности, в социальной политике – от национализации и социализации до принципиального признания «священной неприкосновенности» частного владения. Центральная Рада не вела Революционные массы. Она только применялась к обстоятельствам, боясь смелого шага, даже жеста. Украинская Национальная Революция была фактом, но фактом было и полное отсутствие вождей Украинского национал-революционного движения. Мне приходилось самостоятельно ориентироваться в чрезвычайно запутанном лабиринте национальных, политических и социальных противоречий, каковые со всей остротой выплывали на Украину во время Революции. Несмотря на это, мне, кажется, удалось быть до конца последовательным в своей революционной

деятельности. В социальных вопросах я всегда поддерживал наиболее левые элементы Центральной Рады. К такой тактике меня привело сознание необходимости отобрания земельных и других имений от буржуазии, которая почти целиком принадлежала к польской, русской или еврейской национальности. Я боролся за отобрание их имущества без какого бы то ни было выкупа и передачи их в руки местного населения, на 70-80% украинского. Таким образом, по моему мнению, Украинская Нация производила экономическое обезоруживание своих национальных врагов. Но в то же время я не разделял взгляда тех отдельных украинских деятелей, которые считали возможным в освобожденной Украине в свою очередь угнетать так называемые национальные меньшинства. И опять-таки я не разделял политики и тактики тех элементов, которые в силу различных соображений шли на компромисс в национальном вопросе. Так, например, я голосовал против оглашения второго универсала, считая его актом не революционным. Голосовал также против принятия инструкции, которую прислало временное правительство для генерального секретариата. Голосовал несмотря на то, что за принятие той инструкции подано 287 голосов, а против принятия только 27.

Тогда же у меня возникла мысль создать национал-революционную партию. В инициативную группу по организации партии, между прочим, входил Н.Левинский, который позже перешел к социалистам-революционерам, и А.Лихтнякевич. Вооруженная борьба сперва против корниловщины, а потом против временного правительства, в которой мне пришлось принимать активное участие, не дала возможности укрепиться партии национал-революционеров, и она распалась.

Во время вооруженной борьбы против войск временного правительства в Киеве, я был с некоторыми моими товарищами арестован в Киеве Кириенко, комиссаром Временного правительства при Киевском военном округе. Под арестом я впервые познакомился с Леонидом Пятаковым, который тоже сидел вместе со мной. Мне нравились ясные радикальные взгляды Л.Пятакова (большевика) на вопросы социального характера. Зато презрительное отношение к украинскому национальному движению отталкивающе действовало на меня. Несмотря на это, когда мы разошлись, мы расстались приятелями.

Сейчас же по освобождении из-под ареста я был командирован в Одессу, где тоже принимал активной участи в боях против временного правительства.

Начало вооруженной борьбы между сторонниками Центральной Рады и большевиками захватило меня в Киеве. Как раз тогда между членами Центральной Рады наметился раскол. Большинство не хотело признать чисто советские формы власти, а меньшинство, если и не были активными сторонниками советской власти, то все же не считали нужным бороться за нее, при условии, что она будет украинской. Я шел за

меньшинством.

Помню, какое угнетающее впечатление произвел на меня факт убийства Л.Пятакова. Про его смерть я узнал от Н.Порша, который не без злорадства рассказывал про это.

Центральная Рада начала переговоры про оккупацию Украины немецкими войсками, каковая должна была быть произведена под видом «союзной помощи». Не соглашаясь с такой политикой, которую я считал контрреволюционной и антинациональной, я вышел из состава членов Центральной Рады, поехав на родину в Звенигородский уезд, с целью заняться общественной деятельностью в родном своем уезде.

На Звенигородщине господствовала анархия. В уезде хозяйничал Грызло (атаман вольного казачества), человек с уголовными наклонностями. За него я взялся в первую голову. Мне помогал Демерлий (тоже член Ц.Р.), который разделял мои взгляды. Нашими усилиями был созван Уездный крестьянский съезд с представителями от рабочих и вольного казачества, который постановил арестовать Грызло и начать следствие над ним для предания суду. Вольное казачество осталось без атамана, среди него начался еще больший развал. Сила его уменьшалась.

Я уже сказал, что фактически на Звенигородщине не было никакой власти, хотя формально власть принадлежала Земской Управе и уездному комиссару. Скоро в г. Звенигородке появился до того времени незнакомый мне Кац и начал организовывать большевистские Ревкомитеты и Красную Гвардию. Его работа продвигалась чрезвычайно медленно, причиной чего было отсутствие в уезде промышленных предприятий с большим количеством квалифицированных рабочих и сравнительно националистическое настроение крестьянских масс и полное незнание Кацом местных условий. Ему никто не мешал.

Киев был уже занят красными войсками под командованием Муравьева. Центральная Рада ушла куда-то в направлении на Житомир. С Киева ко мне приехали Н.Шинкарь, В.Кедровский, Н.Павловский и еще несколько человек. Их рассказы про физическое уничтожение красными украинцев в Киеве и между ними таких деятелей, как Зарудный и Пугач и др., которые в принципе были за советскую власть и, без сомнения, позже стали бы активными ее защитниками, те убийства без суда, убийства неизвестно кем и за что (якобы за принадлежность к украинской нации), – все это повлияло на меня не в пользу Советской власти, каковые не были меня чужды. Мне казалось, что за ширмой советской власти прячется старое, циничное лицо черносотенной России, с неограниченной ненавистью ко всему Украинскому, как раз к тому, что я так глубоко люблю и чему решил отдать свои молодые годы.

Приехавши с Киева подняли вопрос про уничтожение членов Звенигородского Ревкома во главе с Кацом. Силы для того легко можно было собрать, но я, Демерлий и еще несколько человек запротестовали

против такого предложения. И тогда было, и навсегда во мне осталось отвращение к методам политической борьбы, за какие никто не хотел брать формальной ответственности.

Через несколько дней в Звенигородку из Киева на лошадях приехал П. Скоропадский и Полтавец. Скоропадский явился ко мне и заявил, что бежал на Звенигородщину специально ко мне, чтобы быть под моею защитой и спастись от физического уничтожения. Скоропадский меня лично знал до этого и мои политические убеждения. Познакомились мы во время корниловщины, когда я был послан Центральной Радой к 34 корпусу (командовал корпусом Скоропадский) для удержания корпуса от выступления на стороне Корнилова. Миссия моя была удачной, корпус не только не пошел за Корниловым, а даже выступил против войск, которые поддерживали последнего. После ликвидации корниловщины я вернулся в Киев. Несмотря на разницу политических взглядов, личные отношения между мной и Скоропадским во время моего пребывания в корпусе не были плохими. Все-таки факт приезда Скоропадского был для меня неожиданностью. Я разъяснил ему, что не могу гарантировать ему безопасность. Скоропадский переночевал у меня на квартире и на другой день собрал собрание «всех украинцев» в отеле «Англия». На собрании были все приехавшие из Киева, я и еще несколько человек из местных деятелей, – всего душ двадцать. Трудно было понять, чего именно хочет Скоропадский. Со всего сказанного им на собрании я вынес впечатление, что Скоропадский в первую очередь хочет организовать собственную охрану. Поняв, что между нами нет людей, которые годились бы ему для этой роли, Скоропадский инкогнито выехал из Звенигородщины, оставив своих лошадей. С ним поехал Полтавец и еще несколько человек его клевретов.

Тем временем Ревком во главе с Кацом решил созвать съезд крестьян и рабочих Звенигородщины. Съезд собрался в помещении коммерческого училища. Я всегда интересовался настроением масс, и потому пошел на съезд, который должен был быть открыт. Перед открытием съезда я познакомился с Кацом. Мы вели дебаты по разным принципиальным вопросам. Много кое в чем мы не соглашались, но были и общие точки зрения на вопросы, особенно социального характера. Мы обменялись фотографическими карточками и Кац пошел открывать съезд, а я остался между публикой. Некоторые обстоятельства, а между ними и семейные, принуждали меня воздерживаться от активных выступлений, к этому присоединялись мои колебания чисто политического характера, которые были следствием чрезвычайно запутанной политической ситуации, в какой я пока что бессильно пробовал ориентироваться.

После открытия съезда был избран президиум, в состав которого вошли большинство членов Ревкома. После речи Каца симпатии большинства были открыто на стороне большевиков. Началось обсуждение как принципиальных, так и основных вопросов, во время которого я

заметил некоторую нервность членов президиума. Через минуту президиум вышел из помещения, остался один Кац, который был, кажется, председателем президиума, но потом и он вышел. На сцене явилось несколько вооруженных вольных казаков во главе с Школьным (шофер, уроженец Звенигородщины). Последний поднял обе руки вверх, – в руках у него были гранаты, – и начал кричать на съезд. С аудитории раздались отдельные выкрики: «прочь со штыками», «не мешайте работать съезду». Раздалось несколько выстрелов из винтовок во дворе, начал работать пулемет, пули попадали в окна здания. Среди членов съезда началась паника. Все устремились к дверям, одни давили и топтали других. Видя все это, я решил вмешаться, чтобы приостановить, или по крайней мере уменьшить панику. Мое появление на сцене немного успокоило крестьян, которые почти все знали меня лично. Несмотря на это съезд не мог продолжать своей работы, потому что большинство членов съезда все же успело разбежаться во время паники. К тому же и в городе было неспокойно. Улицы были запружены тысячами вооруженных вольных казаков. Грызло был выпущен толпой из тюрьмы, но почему-то не принял активного участия в событиях. Куда девался президиум съезда – было неизвестно. Ночь в городе прошла в тревожном состоянии. На рассвете ко мне прибежал председатель Земской Управы Смоктий и заявил, что в городе грабят и возможен погром. Он просил меня попробовать взять под свое командование толпы вольных казаков и восстановить порядок в городе. Я не мог и не имел никакого права отказаться от активного противодействия анархии. Я только предложил земской управе вынести соответствующее постановление, что она впоследствии и сделала. После усилий мне удалось вывести за город вооруженную толпу. Собранная здесь толпа выбрала меня атаманом Вольного Казачества Звенигородщины. Это дало мне формальное право приказывать и требовать исполнения моих приказов. Сейчас же я приказал толпе разойтись командами по своим селам и ожидать от меня дальнейших распоряжений. В Звенигородке оставили немного больше ста казаков для охраны порядка. Непосредственное командование оставленными казаками поручил И.Капуловскому, который справился со своей ролью довольно хорошо.

Во время, когда я восстанавливал порядок в городе, мне дали знать, что Кац убит неизвестно кем, и что его труп еще с ночи лежит на берегу реки Тикич. Я дал приказ поставить охрану около трупа, но пока приказ был исполнен, еврейская молодежь перенесла труп в город и взяла его под свою опеку. Убийство Каца вызвало большое недовольство среди населения мирного городка. Формально власть в уезде перешла в руки Революционного Комитета, во главе которого стоял Демерлий, а в городе организовался комитет охраны порядка. На первом же заседании Комитета Охраны представителями рабочих организаций был внесен вопрос о торжественных похоронах Каца. Не смотря на оппозицию реакционных

элементов, этот вопрос был разрешен в положительном смысле. Был риск, что во время похорон не обойдется без эксцессов со стороны разagitированного в антисемитском духе вольного казачества и населения, но благодаря мерам предосторожности спокойствие не нарушалось и обошлось без эксцессов.

Почти одновременно в Звенигородку долетели два известия: первое – про движение немцев на Украине, и другое – про выход из состава Совнаркома Украины Нероновича, которого я лично знал и считал одним из активнейших революционеров. Я понял, что на известное время события на Украине пойдут по-за украинцами, и что нет силы, какая могла бы помешать этому. Нужно было готовиться к борьбе в условиях немецкой оккупации. Перед приходом немцев на Звенигородщину приехал Яковенко с полномочиями от Кудри по делу демобилизации частей армии, которые должны были проходить через Звенигородский уезд.

Он предложил мне должность уполномоченного по демобилизации. Приняв эту должность, я начал собирать в склады разбросанное повсюду военное имущество и демобилизовать военные части, которые проходили мимо Звенигородки. Временами приходилось силой принуждать военные части к демобилизации и отбирать у них военное имущество, какое они распродавали. Вследствие моей работы в складах было собрано 11 тысяч винтовок, до пятидесяти пулеметов, пушки, патроны, снаряды и много разного военного имущества.

Скоро немцы разогнали Центральную Раду и вместо нее выдвинули гетмана Скоропадского. До того времени я не мог никак допустить, чтобы тупой реакционер и анальфабет в политических и социальных вопросах, каким я знал Скоропадского, мог оказаться в роли верховной власти Украины. Как впоследствии оказалось, я не ошибся. Скоропадский стал обыкновенным орудием немецко-русской реакции. Верховная власть принадлежала ему только формально.

Было решено раздать оружие, которое имеется у меня на складах, населению. Это было сделано довольно искусно на протяжении нескольких дней, несмотря на присутствие в городе немецкого гарнизона. Наконец произведена симуляция грабежа склада, после чего «грабители» разбежались неизвестно куда. Сначала немцы меня арестовали, но за отсутствием данных, что в операции со складами я тоже участвовал (фактически оружие роздано по моему приказу), немцы меня освободили. Местные черносотенцы открыто заявляли, что виновен во всем я, но им никто не верил, особенно немцы, с которыми у меня были отличные отношения. Так или иначе, но оружие было роздано населению, а виновников не отыскивали.

Помогло мне и мое личное знакомство со Скоропадским, – как раз во время следствия ко мне приехал гетманский офицер с Киева за лошадьми Скоропадского. Кроме того, офицер принес мне письмо от Полтавца (ге-

нерального писаря гетмана), который просил меня приехать в Киев по «очень важному делу». При свидании с Полтавцем, а потом и со Скоропадским оказалось, что они хотели перетянуть меня к гетманскому двору и «дать более активную роль». Разошлись мы не так, как хотелось моим непрошеным покровителям. Я не согласился на их предложение и возвратился опять в Звенигородку. Все же мое знакомство с самим гетманом сделало магическое впечатление на черносотенцев Звенигородщины, и они оставили меня на некоторое время в покое.

На Звенигородщину явился офицерский карательный отряд; делая экзекуции по селам, он требовал сдачи оружия. Никто не хотел сдавать и не сдавал. Настроение в уезде поднималось. Ко мне приезжали делегации крестьян и говорили, что они перебьют карателей. Я советовал им подождать, считая восстание несвоевременным. Но меня не слушали. Я почувствовал, что восстание неизбежно, если каратели немедленно не выедут из уезда. Нужно было действовать решительно. Я поехал в Киев, там увиделся с многими деятелями Центральной Рады, но никто из них не хотел брать ответственности за то или иное решение, тогда я решился использовать свое знакомство с гетманом и поехал к нему. Скоропадскому и Полтавцу я представил дело в таком виде, что карательный отряд провоцирует население против гетманской власти и указывал на необходимость немедленного отозвания отряда с уезда. Мне поверили и сделали соответствующее распоряжение, но пока распоряжение дошло до Звенигородки, крестьяне перебили карателей. Началось стихийное восстание, известное под названием «Звенигородского». Я поехал на Звенигородщину.

Детальные сведения и роль отдельных личностей, а также мою роль я описал в своей [статье] «СТІХІЯ» в июльской книжке «Літературно-наукового вістника», Львов, 1922 г. Книжка имеется в Киевском ГПУ.

После ликвидации восстания и следствия, из-под какого мне удалось вывернуться, черносотенцы опять начали травлю на меня. Находясь под непрерывным надзором платных и не платных шпииков, я не мог ничего делать в направлении организации революционного движения в Звенигородщине. Это принудило меня принять решение о переезде в Киев. Перед выездом в Киев неожиданно для меня в мою квартиру явился звенигородский гражданин Гулькин, совершенно мне не знакомый. Не без волнения Гулькин сознался, что он принадлежит к коммунистической партии и предложил мне работать в контакте с местной комьячейкой. Боясь провокации, я навел справки о Гулькине, после каких убедился, что он не провокатор. Я согласился на предложение Гулькина, но сказал ему, что уезжаю в Киев. Тогда Гулькин дал мне явку в Киев по Жилянской ул., нр.114. Кажется два раза я заходил на Жилянскую, но практических последствий моя связь с коммунистами не дала, ввиду того, что шпионы не давали мне спокойствия и тут. Я вынужден был маскироваться и поступил

слушателем на Высшие кооперативные курсы. Там на курсах мне удалось связаться с украинскими революционными организациями. Перед началом противогетманского восстания в ноябре я был выдвинут на пост Начальника Революционного Штаба г. Киева. Сразу все шло как-будто хорошо, но в ночь на 18 ноября меня со всем моим штабом арестовали и заперли в Киевской крепости, как потом оказалось, штаб был провален провокатором. Допросы и следствие тянулись почти целый месяц, наконец 12 декабря князь Долгоруков, главнокомандующий, наложил на следственный материал резолюцию «расстрелять». Украинские революционные организации дали мне знать про резолюцию кн. Долгорукова.

В ночь с 13 на 14 декабря мы обезоружили офицерский караул и захватили крепость в свои руки. Я опять принял пост Начальника Революционного Штаба. 150 политических заключенных, которые сидели в крепости, на рассвете вышли на улицы и после упорного боя при помощи рабочих к 12 часам 14 декабря овладели Печерском, Зверинцем, Липками, Подолом. На Куреневке и Лукьяновке тоже восстали. До вечера 14/ХІІ город был в руках революционеров. Белогвардейские части бросили фронт и разбежались. Одной из бежавших через город групп я случайно попался со своим помощником Соломинским, но нам удалось вывернуться. В ночь на 15 декабря в Киев вошли сечевики.

Директория мне предложила принять командование особым корпусом, который формировался в Киеве, но уже тогда я не соглашался с политической неопределенностью и методами директории, опять таки я не мог согласиться с убийствами политических противников, какие практиковались при директории под видом «что арестованный бежал». Другой факт, с которым я не мог согласиться, было заискивание и переговоры директории с французами в Одессе. Те переговоры я считал и считаю одной из наипозорнейших страниц нашей борьбы за национальное освобождение. К тому же, Советская власть, власть рабочих и крестьян Украины, по моему мнению была единственной формой власти, которая обеспечивала Украину от войн против советской России и ничем не угрожала самостоятельности Украины, какая в то время могла сформировать не меньше полмиллиона красной армии, – наилучшие гарантии государственной независимости в тогдашних условиях.

Я еще имел хорошее отношение к ЦК партии боротьбистов, которым сочувствовал, считая их программу и тактику соответствующей условиям политического момента. При переговорах с Петлюрой я заявил, что соглашусь принять командование на фронте против Одессы, с целью ликвидировать силой десант Антанты, который хозяйничал в том районе. Петлюра «лично» как будто ничего не имел против предложенной мной операции на Одессу, но считал ее практически не осуществимой из-за недостатка сил. Понятно, что с Петлюрой я не мог говорить о практическом проведении операции. По этому поводу пришлось мне говорить с генералами

Грековым, Осецким и В.Тютюнником – «военными авторитетами».

Генерал Греков заявил: «Победителей мира Вы хотите победить. Извините, поручик, но это мог придумать только сумасшедший, хотя я Вас таким не считаю». Он начал мне говорить про танки, ультрафиолетовые лучи, и еще много всякой всячины наговорил Греков о «технике». Остальные генералы поддерживали Грекова. Я увидел, что говорить с ними нет смысла, так же, как с Петлюрой.

На другой день я выехал на автомобиле из Киева в Триполье к Зеленому. Вез я литературу боротьбистов и думал остаться у Зеленого (он тогда открыто боролся за советскую власть). По дороге меня остановили сечевики, и если бы не личное знакомство с офицером, который командовал отрядом, они обыскали бы меня. Мне пришлось вернуться в Киев, потому что сечевики вели наступление против Зеленого и не пустили меня ехать в Триполье.

Вернувшись в Киев, я встретил у себя на квартире Гулькина, который приехал со Звенигородки звать меня в уезд для борьбы за советскую власть. В Звенигородку в это время ехал М.Павловский, который будто бы соглашался перейти на сторону советской власти. После короткого совещания решили Гулькин и Павловский поехать на Звенигородщину, а я с Александром Шуйским опять-таки к Зеленому, но уже окольной дорогой через Белую Церковь. Пока мы доехали, Зеленого сечевики успели разбить, пришлось начинать организацию отряда с начала, что мы и сделали, занял г. Ржищев на Днепре. Тут же организовался Ревком Киевщины, в каковой между прочим вошли Шумский и Майоров. Этот Ревком, должно быть на страх врагам, назначил меня командующим правобережной Красной армии, хотя сама «армия» имела не больше трехсот штыков. К тому же еще дали мне псевдоним «Гонта». «Армия» успела занять только небольшой район с г.г. Каневом, Кагарлыком и Васильковым, причем были стычки с войсками директории. И опять-таки благодаря ошибке попал в Штаб Черноморской дивизии (директорских войск). Там меня судили и приговорили к расстрелу. Но батальон, который должен был привести в исполнение приговор, решил выслушать мою речь, после чего пошел во главе со мной к «армии». Вскоре красные войска вступили в Киев и «армия» получила приказ влиться в ближайшую красную часть, что и было исполнено.

Я поехал в Киев, где от боротьбистов получил задание ехать в Звенигородку для помощи Гулькину и Павловскому. С некоторым риском мне удалось верхом на лошади вдвоем с красноармейцем добраться к Звенигородке, но Павловского я не застал там, он пошел за директорией. Вернувшись в Киев, я попал на одну ночь в ЧК, после чего выехал в Харьков на съезд боротьбистов. Там от Шинкаря получил письмо к Григорьеву и поехал на юг.

Штаб Григорьева я нашел на ст. Апостолово. После первого знакомства Григорьев назначил меня начальником штаба своих отрядов, общее

количество бойцов которых доходило до пяти тысяч человек. Организационно войска находились ниже всякой критики: штаба не было, интендантства не было, каждый командир называл свою часть как хотел, – кто батальоном, кто полком, а кто и дивизией. Не без труда мне удалось реорганизовать отряды в бригаду по штатам красной армии. Я мог приступить к осуществлению моей мечты о наступлении на десант Антанты и белогвардейцев, которые засели в Херсоне, Николаеве и Одессе. С Григорьевым у меня установились неплохие отношения, он не вмешивался в технические дела штабной работы. Драться с десантными войсками у него была большая охота. Считаю ненужным писать о ходе операций, которые привели к занятию красными войсками Херсона, Николаева и Одессы, это дело истории. Перехожу к характеристике самого Григорьева и анализу причин, какие по моему мнению толкнули Григорьева на восстание против советской власти.

Сам Григорьев как человек представлял из себя интересный тип. Был он чрезвычайно храбрый, решительный человек, прекрасно ориентировался на поле боя, имел феноменальную память, силу воли и гражданское мужество. Умел владеть толпой, никогда никому не льстил. Но были и отрицательные стороны его характера. Был он чрезвычайно самолюбив и честолюбив. Временами слишком самоуверенный, мало дисциплинированный, политически почти неграмотен. Любил деньги, сильно пил, имел только одну идею – возвышение своего «Я». К тому же имел ограниченное образование, как общее, так и военное, плохо ориентировался на карте, сравнительно легко поддавался под влияние своего окружения, если таковое стояло культурно выше его.

Поняв Григорьева так, как я его охарактеризовал, мне не тяжело было прибрать к своим рукам все технические функции военного командования. Для Григорьева необходимо было оставить только наружный вид командования да славу победителя.

Зато дело с политработой стояло хуже. Политическим комиссаром был Ратин, человек сам по себе слабый, помощником политкомиссара был Мурин. Типичный офицер-гуляка царской армии, которому Революция «испортила карьеру», но который мирился с фактом и использовал условия лично для себя, Ратин относился к Григорьеву с большим пиетизмом, считая его чуть ли не гением. Политработа в частях почти не проводилась, а работа требовалась колоссальная, хотя бы потому, что в частях единым непогрешимым авторитетом был Григорьев, да и состав самих частей, набранных из крестьянских элементов Херсонщины, которые в своей массе представляли собой элемент середняцкий. Этот состав требовал над собой серьезной политработы. Того сделано не было, хотя я лично неоднократно указывал Ратину на необходимость работы.

Антидисциплинарные выпады Григорьева в своих телеграммах на имя Высшего Красного командования, какие повторялись довольно часто,

иногда выводили меня из равновесия, и только мое бесповоротное решение довести операцию на Одессе до конца, удерживало меня от подачи прошения об отставке. Отрицательное влияние имел факт, что красное командование как-то совсем не реагировало на выпады Григорьева, недопустимые с точки зрения наизыментарнейших требований военной дисциплины и субординации. У Григорьева получалось впечатление слабости центрального аппарата, неспособность его справиться «со славным атаманом Григорьевым». Победы под Херсоном и Николаевым, разгром французов под Березовкой и Сербкою и, наконец, взятие Одессы, с триумфальным въездом туда Григорьева, буквально вскружили голову «славному атаману». Он начал посылать угрожающие телеграммы в Екатеринослав, Харьков и по другим адресам. Желая выйти из фальшивого положения, в каком я оказался, и не желая отвечать за действия Григорьева, в Одессе я подал рапорт с просьбой уволить меня от обязанностей Начальника Штаба. Григорьев не соглашался на уход, я настаивал. В дело вмешался Реввоенсовет армии, который в это время приехал в Одессу. Вызвав меня в Реввоенсовет, мне поставили вопрос: почему я не хочу дальше оставаться Начальником штаба у Григорьева? Я дал объяснение, но меня просили остаться. Особенно настаивал на этом т. Голубенке, который, кажется, был заместителем председателя Реввоенсовета.

Сам Григорьев не был погромщиком, доказательством этого может быть прекращение погрома в Одессе. Для разгона несколько тысячной толпы он разрешил мне обстреливать толпу из артиллерии на дистанции не больше тысячи шагов. Но после выезда в район Елисаветград – Александрия он дал свободу антисемитической пропаганде. В это время политкомом вместо Ратина был назначен С.Савицкий – боротьбист. Савицкий, сам по себе человек идейный и разумный, не мог в короткий срок повлиять на настроение Григорьева и его войск, к тому же Савицкий был молод годами, а Григорьеву импонировали только старшие люди.

Со своими подчиненными Григорьев обходился бесцеремонно – он не допускал мысли, что его подчиненные могли думать или поступать иначе, как он приказывает. Этим объясняется, что Григорьев, никого не спрашивая, выпустил свой универсал. Ни один из т.н. помощников универсала не подписывал, сделал за них это сам Григорьев. Но он не ошибся, «помощники» не протестовали против текста универсала.

Оказавшись перед фактом восстания, возможность которого до известной степени, хотя бы и по интуиции, я предвидел, во мне начались внутренние колебания. Передо мной стал вопрос, что делать дальше. Будучи по своим убеждениям прежде всего национал-революционером и украинцем, я пошел служить украинской рабоче-крестьянской власти, пошел потому, что считал ее «УКРАИНСКОЙ». Более близкое знакомство с ответственными работниками и их работой поколебало мое убеждение в украинской природе тогдашней советской власти. Глубоко вкоренившееся во мне

недоверие к российской политике помогло тому, что я не вполне верил в искренность официальных деклараций и заявлений РКП, в руках которой фактически находилась власть.

Поведение политкома Ратина, который всегда высмеивал все украинское, его помощника Мурина во время капитуляции Николаевского гарнизона, перед немецким командованием и в моем присутствии заявившего: «УКРАИНЫ НЕТ, ОНА УМЕРЛА НАВЕКИ». Такое поведение людей, которые принадлежали к составу компартии и были политическими представителями Украинского правительства, не могло не породить сомнений в верности моей по политической линии. Эти сомнения еще увеличились в связи с ликвидацией Украинской красной армии, каковая тогда спешно проводилась, а вокруг бурлила возбужденная толпа, восставшая «против коммуны» за советскую власть. Понятно, что отказавшись от участия в восстании, я рисковал попасть под «повстанческий суд», но этот факт не играл значительной роли в принятии мною окончательного решения.

Я решил использовать факт восстания для Украинской национальной идеи, приняв участие в нем. Я знал, что среди украинских социал-демократов «незалежников» и даже среди некоторых боротьбистов идея восстания находила сочувствие, а что они не были сознательными контр-революционерами, – в этом я уверен. В том, что восстание прошло под украинским национальным флагом, виновен, главным образом, я. Не находя возможности остаться на должности Начальника штаба Григорьева в силу явно погромных тенденций Григорьева и его окружения, я отказался от этой роли и принял командование одной из бригад. Мой отказ от должности Начальника Штаба вызвал у Григорьева недоверие ко мне, и он дал мне самое южное направление для операций на Екатеринославщине, желая дать мне возможность непосредственной связи с «незалежниками» и боротьбистами или войсками директории.

Считаю нужным подчеркнуть интересный факт, который подтверждает отчасти данную мной характеристику как Григорьева, так и политсостава. Уже после провозглашения восстания к Григорьеву заехал коммунист Шафранский. После долгого разговора он произвел огромное впечатление на Григорьева. У меня осталось убеждение, что Григорьев в душе каялся и готов был повернуть назад. Факт, что Григорьев не задержал Шафранского, а отпустил его, дав возможность выехать из района восстания, – говорит сам за себя. Еще один факт, характеризующий аполитичность Григорьева: когда я уезжал из Александрии в сторону Екатеринослава, Григорьев неожиданно спросил меня: «А не лучше ли бы было ориентироваться на левых русских эсеров или Деникина». Я посоветовал ему оставаться под украинским флагом.

В мою бригаду Григорьев дал наиболее преданных мне два полка – Григорьевский и Херсонский. Это делалось не без намерения парализовать

мои намерения, когда бы они разошлись с планами Григорьева. Понятно, что все предупредительные меры, какие Григорьев делал для обеспечения себя от «измены», я понимал сразу, потому что успел изучить психологию этого человека. После первых неудач в Полтавском направлении Григорьев забрал у меня Херсонский и Григорьевский полки, но в то время вокруг меня были тысячи вооруженных крестьян, которые шли со всех сторон, будучи недовольны продовольственной и национальной политикой сов. власти.

Когда Григорьев был разбит окончательно красными войсками, которые захватили Александрию, я потерял с ним связь. Распустив толпы крестьян, я с 150-тью наилучшими бойцами при одной пушке пошел с Екатеринославщины на Киевщину, где думал отдать себя в распоряжение Главного Повстанческого штаба, каковой организовали Украинские Социалисты-демократы «незалежники» и украинские социалисты-революционеры. Во время движения, несмотря на бои, мой отряд сразу увеличился до 250 чел., а после выхода на Звенигородщину – до 1500 чел. На Звенигородщине ко мне пришел курьер от Главного Повстанческого штаба, который стоял в районе местечка Володарка, Старийше. Я двинулся на север. Опять-таки с небольшими боями мне удалось достигнуть г. Сквир, куда перешел Главный Повстанческий Штаб.

При проходе по улице Сквир я начал ориентироваться в положении. Город был разграблен, население терроризировано, везде были видны следы погрома и грабежа, впечатление было угнетающее, убийственное. По улицам гуляли толпы пьяных повстанцев, которые удивленно смотрели на мои части, проходящие колоннами под музыку, отбивая такт ногами по мостовой. По дороге встретила меня смешанная Еврейско-украинская делегация от Городского населения. Они приветствовали меня, а в глазах можно было видеть и жалобу, и ужас, и вопрос. Они не знали, что я несущу городу.

В Сквире я нашел «главнокомандующего» Юрия Мазуренко и его начальника Штаба Малолитко – «Сатану». Они мне рассказали, что в Сквире и окрестностях находится около пяти тысяч повстанцев при трех полевых орудиях, и что все это называется дивизией, находящейся под командованием Дияченко. Сам главком непосредственно не командует, а только дает директивы общего характера. Он предложил мне приступить к формированию II-го Повстанческого корпуса, в состав которого должен был войти и мой отряд, с переименованием в дивизию, и дивизия Дияченко. Вдвоем с Малолитко они просили меня привести в порядок дивизию Дияченко, с которой никто не мог справиться. Я принял предложение и, убедившись в полной неспособности как Главкома, так и его начальника Штаба, а впоследствии и комдива Дияченко, решил действовать по своему усмотрению и на свою ответственность.

Первой неотложной задачей было вывести грабящие толпы повстан-

цев из г. Сквиры. Я дал приказ отступить и использовал момент для хотя бы поверхностного ознакомления с внешним видом и составом частей Дияченко. Кроме частей, которые я привел со Звенигородщины, из Сквиры двинулось со мной около 2500 чел. Была эта банда в полном смысле этого слова. Опираясь на хорошо организованные и дисциплинированные части, приведенные мною со Звенигородщины, я начал приводить толпу в порядок. В первую очередь заменил большую часть командования во главе с Дияченко, который был идеологом погромов и грабежей, и разогнал наиболее уголовный элемент, обезоружив его.

Я решил присоединиться к войскам директории, – то был единственный выход в моем положении. Несмотря на принятые мною меры, в м. Вахиевке «дияченковцы» начали погром, правда, без людских жертв. Я принял решительные суровые меры для ликвидации погрома. В результате за несколько дней было расстреляно больше 20-ти погромщиков, а мой корпус уменьшился душ на пятьсот. После этого погромов не наблюдалось.

Другая половина лета и осень 1919г. прошла в борьбе сразу против красной армии, а потом против Деникина. В это время я командовал группой директорских войск в составе двух дивизий. Считая наибольшим врагом украинской нации русских монархистов, я занял непримиримую позицию против русской добрармии, первым начал бои с ней на украинском фронте и последний их окончил. К этому периоду относится эпизод т.н. «Волоховщины», т.е. пробы Волоха организовать украинское государство по программе боротьбистов. Тогда я считал это и нецелесообразным, и практически неосуществимым, убедился в неспособности украинских левых элементов к самостоятельной работе на Украине. Национальным Украинским центром я считал правительство Петлюры, да и сам Волох производил на меня впечатление типичного атамана, который не хотел признавать над собой никакой власти. По своим способностям он стоял немного выше Ю.Мазуренко.

Был я вдохновителем зимнего похода 1919-20 г., главной целью которого было сохранение армии до весны, когда обстоятельства могли измениться в нашу пользу. Во время похода я не раз колебался, не начать ли переговоров с Красным командованием относительно слияния наших частей с Красной Галицкой армией. Мне хотелось, чтобы инициатива переговоров шла не от меня, ввиду этого, когда я получил записку от С.Савицкого, бывшего политкома у Григорьева, в районе Умани, я согласился на переговоры. Боевые действия, начавшиеся не по нашей инициативе, прервали мои сношения в самом начале. Весной 1920 г. я не знал про договор Петлюры с поляками, хотя у меня были отрывочные сведения про возможность польского наступления. Весною должен был быть разрешен вопрос про соединение наше с Украинской Галицкой армией.

В последних числах апреля 1920 г. из района Ананьев-Балта-Бирзула

я двинулся на юг, чтобы опереться, с одной стороны, на море, с другой – на Румынскую границу, занять на известное время выжидательное положение. Но в момент принятия решения я получил сведения, что Украинская Галицкая армия восстала против советской власти и что одновременно с этим поляки перешли в наступление.

Сопоставляя эти два факта, я пришел к убеждению, что вопрос о восточной Галиции разрешен в нашу пользу. Ничем иным я не мог объяснить себе восстание Галицийской армии на помощь полякам, во имя борьбы против которых галичане переходили на сторону черносотенцев и на сторону большевиков.

Обыкновенно с моим решением соглашался и Омелянович-Павленко, который формально был командующим армией. Мы приняли решение идти на соединение с Галицийской армией, но последняя сама себя ликвидировала, отчасти была ликвидирована красными и польскими войсками до нашего похода.

Прорываясь к галицийской армии, в чрезвычайно тяжелых упорных боях с дивизиями 14 Советской Армии в районе Тульчина, Вапнярки, Томашполя, Ямполья, Мьясковки, за несколько дней я истощил до конца свои части, растратил все патроны и снаряды, потерял больше 30% своего состава частей. Были моменты, когда одна свежая рота красных могла окончательно решить вопрос о ликвидации моих частей, но должно быть и моим противникам не легко было.

Прорвавшись, я вместо галичан оказался на польском фронте. Узнал про ликвидацию галицийской армии, прочитал текст договора Петлюры и поляков. Что я должен был делать, и что я мог делать при таком положении. Если бы не мое глубокое презрение к самоубийцам и самоубийству – я бы покончил с собой. И если бы тогда со стороны Красного командования было сделано предложение начать борьбу против поляков, я немедленно согласился бы на это. Я подал мотивированный рапорт Петлюре с просьбой об отставке, подал другой рапорт о болезни. «Болел» я более шести недель до тех пор, пока главное командование не поставило мне ультиматум с требованием возвратиться к командованию дивизией, угрожая военно-полевым судом. Но главной причиной моего возвращения к командованию были просьбы моих подчиненных возвратиться к ним. Уступив командованию, я дрался со своими частями и был с ними интернирован.

В это время среди интернированных и эмиграции определилась сильная позиция против методов, какими пользовался Петлюра в своей деятельности. Между прочим, оппозиция требовала передачи военного дела в мои руки. Последствием этого было назначение меня Начальником Партизанского Повстанческого Штаба и членом Высшего Военного Совета.

Еще до своего нового назначения отношения у меня с Петлюрой не были идеальны. Временами они были так натянуты, что была угроза окон-

чательного разрыва. После назначения меня Начальником ПП Штаба я, как непосредственно подчиненный Петлюре, имел возможность ближе присмотреться к человеку, который волею судьбы некоторое время стоял в центре Украинского Национального движения. Его неограниченное властолюбие и честолюбие не гармонирует с остальными качествами его. По своей натуре не есть вождь, который может вести за собой массы. Он только плывет по ветру и никогда не пробует повернуть против ветра. Одинаково жаждет власти, как и боится ответственности. Я немного знал его и раньше, но в 1921 г. Петлюра не был Петлюрой 1917 года. Тогда еще было в нем что-то от демократии, в 1921 г. Петлюра смотрел на демократию как на средство к цели, как на неприятную, но необходимую декорацию власти «на чолі з головним отаманом Петлюрою». Ко всему этому Петлюра имеет душу далеко не рыцарскую. В борьбе против своих личных врагов он пренебрегает интересами Украинской нации.

Увидев Петлюру таким, каким он есть, и убедившись, что я не ошибаюсь, я повел работу для ликвидации петлюровщины, считая ее абсолютно неспособной организовать национальное движение для дальнейшей борьбы. Подготовка шла медленно – не было смысла делать Революцию против Петлюры в Польше. Тогда еще были надежды, что эту Революцию можно сделать на Украине в виде обыкновенного ареста и предания суду.

Между нами началась скрытая борьба, во всяком моем проекте или плане Петлюра видел подкопы под его личность; так, он в категорической форме отказался утвердить мой план про начало восстания на Украине в мае и июне 1921 г., хотя тогда были данные на наибольший успех восстания. Рядом с ПП Штабом он создал штаб Гулого-Гуленко, отнесясь к последнему с большим доверием, что и доказал, выдавая Гулому-Гуленко в пять раз большие суммы на организационные расходы, несмотря на то, – что масштаб работы Гулого был в пять раз меньше моего.

Откладывая момент восстания, Петлюра довел его до поздней осени, когда не было никаких данных на успех. Наконец я получил приказ про движение на Украину. Следствием этого были рейды: г. Копычанцы, р. Ирпень, г. Сарны, р. Ирпень. Возвратившись в Польшу, я сделал доклад Петлюре про действительное положение на Украине и указывал на расформирование лагерей интернированных, где бесцельно гибнут люди. Я доказал, что в дальнейшем массовую борьбу против русской оккупации, которая, по моему мнению, временно пряталась под фирмой «УССР», что эту борьбу приходится отложить до более удобного момента. Петлюра не согласился со мной, считая, что в случае международного конфликта он сможет активно выступить во главе интернированных частей. Он доказывал, что такой конфликт будет не позже 1922 г. Понятно, что при таких убеждениях, ни на чем не основанных, я не мог договориться с Петлюрой. Я поехал во Львов, а он остался в Варшаве. Раза два после этого

Петлюра присылал ко мне курьера за сводками по положению на Украине, – кое-какие сведения про это положение я все же имел.

Во время моего пребывания во Львове мне удалось добыть документ, как для меня лично, так и для истории представляющий немалую ценность. Было это собственноручное письмо Петлюры к своему военному представителю в Варшаве полковнику Данильчуку, в котором Петлюра писал, чтобы Данильчук добился в польском генеральном штабе возможно меньшей выдачи оружия и патронов в мое распоряжение ввиду того, что «рейды есть личным делом...». Письмо датировано одним днем с приказом мне про движение в рейд.

Это письмо взялся вывезти из территории Польши Юрий Отмарштейн, погибший перед выездом в лагере Шепиорно. При убитом указанного письма не нашли, хотя деньги, документы и личные вещи остались на месте. В кругах, близких к Петлюре, и у него самого трагическая смерть Отмарштейна вызвала удовлетворение, с каким они не умели или не хотели скрываться.

Отношения между Петлюрой и поляками перешли всякие границы этики. Несмотря на неисполнение поляками договора от 22 апреля 1920 г., и на факт Рижского договора, Петлюра находил возможным выпрашивать у поляков подачки на содержание своего двора и самого себя. Эти подачки поляки выдавали через 11-й отдел Ген. Штаба. Весной 1922 г. в петлюровских кругах возник проект оккупации поляками правобережной Украины на неограниченное время. В этом направлении была поведена соответствующая агитация среди эмиграции и закулисные переговоры с т.н. «пильсудчиками».

Приняв во внимание всю сумму вышеуказанных фактов и придав к ним мое убеждение враждебности всех поляков, независимо от их политических убеждений, ко всему украинскому, а также практическое последствие договора от 22 апреля 1920 г., последствия польской политики в Галиции, на Волыни и Холмщине, я решил, что дальше оставаться хотя бы только и формально в лагере Петлюры, недостойно. В начале июня 1922 г. я послал Петлюре письмо, в котором уведомил его про свое решение. После этого ко мне приезжал А.Левицкий и Данильчук, чтобы «полагодить непорозуміння». Но я остался при своем решении.

Отдельного внимания заслуживают отношения поляков к украинскому вопросу, а также отношения между поляками и Петлюрой, поляками и мной.

Из моего опыта работы с поляками я вынес убеждение, что поляки рассматривают Украинский Национальный вопрос в такой плоскости:

1. Создание Украинского государства считают вредным для интересов польской нации. Свою мысль мотивируют тем, что при создании хотя бы территориально незначительного украинского государства, последнее стихийно будет стремиться к расширению своих границ до

черты этнографической украинской территории, что угрожает для Польши потерей украинских земель.

2. Всякое явление Украинской национальной жизни, какое проходит помимо влияния польского государственного аппарата, поляки считают противно-польским.

3. Признают необходимость использовать антирусские тенденции Украинского Национального движения для подрыва мощи Советских Республик.

Теперь перехожу к фактам, на основании каких я вынес вышеуказанное убеждение. Сейчас же по назначению меня Начальником ПП Штаба Петлюра дал мне поручение переговорить с Начальником Польского Генштаба и Начальником Французской Военной Миссии в Варшаве по вопросу о помощи работе ПП Штаба со стороны указанных учреждений. Переговоры я должен был вести через посредство ген. Зелинского, бывшего в то время военным представителем Петлюры в Варшаве. Посредничество Зелинского должно было быть преградой для меня говорить с глазу на глаз с представителями поляков и французов, но об этом я узнал позже. По приезде в Варшаву под моей редакцией был написан мемориал про задачи ПП Штаба на имя начальника французское военной миссии и Начальника Польского генштаба. Подписал мемориал ген. Зелинский. На другой день Зелинский и я в помещении французской миссии имели свидание с ген. Нисселем. Ниссель засвидетельствовал свои «личные симпатии» к украинскому Национальному движению и обещал переслать мемориал в Париж, а пока что посоветовал работать с поляками. Позже я узнал, что такая тактика со стороны ген. Нисселя была следствием совещания с ген. Развадовским (Начальник польского Генштаба), который просил передать украинские дела в его ведение. Того же дня были мы у Развадовского. Последний принял нас чрезвычайно вежливо и обещал полную помощь в работе ПП Штаба. Техническое осуществление помощи он передал в тот же II-й отдел Генштаба.

Обсудив технические вопросы во II-м отделе, я выехал в Тарное, где приступил к организации ПП штаба и высылке людей на Украину для организационной работы. Наибольшие материальные средства для начала работы выдал Петлюра. В своей работе я сразу же натолкнулся на формальности при переезде сотрудников ПП штаба по территории Польши и при переходе их через польско-советскую границу. Этот вопрос был разрешен таким способом. С польского Генерального Штаба был командирован в Тарнов поручик Глязер со специальной задачей помогать работе ПП штаба, разрешая формальные вопросы, возникающие по отношению [к] представителям польской власти на местах. Глязер привез бланки войсковых проездных билетов, какими и пользовался ПП штаб по мере надобности.

Ехавшие на Украину люди заезжали во Львов в Экспозитуру Польского Генштаба, во главе которой стоял майор Флерек, и там получали

документы пропуска через границу.

Поляки во что бы то ни стало в деталях хотели знать всю работу ПП штаба и особенно все задачи, какие задал ПП штаб людям, посылаемым на Украину, а также районы работы каждого в отдельности. Я этого не хотел. Когда поляки во Львове расспрашивали моих людей про задачи, какие они получали от меня, люди обыкновенно или совсем отказывались отвечать, или говорили не то, что в действительности было.

Между прочим поляки хотели использовать для своих целей недоверие между мной и Петлюрой от имени своего начальства. Поручик Глязер осторожно довел до моего сведения, что они, поляки, решили военное дело на Украине в будущем предоставить мне, а Петлюре оставить политическую власть. Я попросил не вмешиваться не в свое дело. Это было высказано в такой форме, что поручил Глязер был отозван Генеральным Штабом из Тарнова. Больше поляки подобных предложений мне не делали.

Стараясь быть в курсе всего происходящего в ПП штабе, поляки перевели штаб из Тарнова во Львов (с согласия Петлюры) и разместили его в одном доме с экспозитурой Польского Генерального Штаба во львовском предместье «Кисельки» в бывшей санатории. После приезда во Львов поляки начали требовать возможно больше разведывательных материалов, который должен был быть собираем через организации, подчиненные ПП штабу. На расходы по разведке они выдавали непосредственно идущим на Украину людям деньги. В среднем месячные расходы на эту цель определялись до 200-500 тысяч марок польских в месяц. Тогда же они предложили Юрию Отмарштейну организовать разведку на стороне Чехии. Отмарштейн отказался, сославшись на то, что не имеет подлежащего приказа от меня. После инцидента с Глязером поляки не решились делать мне предложение подобного рода.

Поляки обещали много. Так, уже в апреле месяце начата была подготовка к организации отряда из всех родов оружия количеством около пяти тысяч бойцов для выхода с ними ПП штаба на Украину. Люди, шедшие на Украину, получали оружие и, как впоследствии я узнал, отравленные папиросы и т.п.

В силу того, что я не хотел стать обыкновенным исполнителем польских заданий, между мной и поляками происходили трения. Эти трения имели под собой основание. В то время я уже понимал в целостности неприродность польско-украинского союза и, не порывая до времени, все же делал кое-какие шаги для ориентации в будущей борьбе против поляков в Галиции. Знали об этом несколько галичан, приехавшие от ПП штаба на Украину. Между ними знал про это и галичанин Мирон, в чем и сознался перед расстрелом в Киеве (расстрелян одновременно с Центральным Украинским Повстанческим Комитетом в 1921 г.).

Польский Генштаб, Польское правительство и сам Пилсудский были целиком в курсе всего, что делалось экспозитурой Генштаба во Львове,

ноты Советского правительства о работе ПП штаба обыкновенно с Варшавы посылались во Львов, где я редактировал ответы, шедшие потом через Польский Генштаб на подпись Скимунту.

Перед движением в рейд на Украину в ноябре 1921 г. по распоряжению Начальника Польского Генерального Штаба Сикорского в мое распоряжение было направлено на три тысячи бойцов обмундирование, оружие, лошади и т.п. Только благодаря указанному выше письму Петлюры, все это было задержано по дороге. Я получил всего на южную и северную группу шестьсот винтовок, 22 пулемета и очень ограниченное количество патронов.

Между прочим, поляки были чрезвычайно недовольны тем, что работа Гулого-Гуленко в Румынии проходит мимо их контроля. В ноябре мои отношения с поляками были такого рода, что я должен был как-нибудь порвать с ними. Работа Революционных организаций Галиции углублялась, поляки настаивали на нашем участии в борьбе против галичан. Я на это не соглашался, напротив, я лично и мои ближайшие сотрудники, до известной степени, хотя и косвенно, сыграли роль вдохновителей и инструкторов Революционного движения Галиции. Выстрелы Федака, направленные в Пилсудского и Грабовского, не были выпущены без нашего ведома. Галичане шли к нам, но, в свою очередь настаивали на разрыве с поляками. Поляки же хотели использовать целый штаб исключительно как разведочный и контрразведочный аппарат.

Кроме того, я считал, что необходимо дать почувствовать жизнеспособность украинского национального движения и проверить действительное положение на местах, т.к. сведения, получаемые ПП штабом, были самые разноречивые. Рейды начались с двух пунктов: г. Копычинцы, ст. Моквин (вблизи Сарн). При обоих группах выехали польские офицеры. На юге (группа Палия) пошел поручик Шолин (сейчас работает в Краковской экспозитуре генерального штаба под псевдонимом Добровольский). На севере, кроме поручика Ковалевского, – поручик Маевский и др.

При отъезде со Львова вместо ПП штаба было сформировано информационное бюро с полковником Пересадой во главе. Интересно, что после выезда ПП штаба поляки хотели забрать архив, но архив штаба до того времени был вывезен и спрятан по моему распоряжению.

После возвращения с рейда ответственным работникам ПП штаба по протекции львовской экспозитуры львовская полиция выдала легитимации как польским гражданам. Выдавались такие легитимации и паспорта в Ровно, где от польгенштаба помогал получить их поручик Белявский.

Состав информационного бюро во Львове был уменьшен сразу до трех человек, а потом остался только один, и, наконец, поляки и того удалили. Дело в том, что поляки хотели найти среди бывших работников ПП штаба верных себе людей, и, убедившись, что это им не удастся, они

решили, что лучше совсем не иметь их в экспозитуре – чужих людей, передававших мне все необходимые сведения, как получаемые с Украины, так и о намерениях поляков. Лично я сейчас же по возвращении с рейда перестал сноситься с польским Генштабом, хотя со стороны последнего неоднократно делались пробы не выпустить меня из-под своего влияния.

После опыта 1921 г., убедившись, что делать польскую политику на Украине руками украинцев не легко, поляки в 1922 г. желают непосредственно использовать Украинские повстанческие организации. Так, они выдавали небольшие денежные субсидии представителям повстанческих организаций Заярному, Погибе, Богданенко и др.

Петлюру поляки продолжали субсидировать как и прежде, но лишили его возможности производить какие-бы то ни было политические шаги без согласия поляков, да и сам Петлюра не пробовал этого делать.

Порвав с поляками и Петлюрой, я имел возможность более объективно оценить положение, в каком оказалась вследствие войны и Революции Украинская нация. Для меня стало ясно, что борьба против Польши в широком масштабе – есть неотложная задана. Для этого нужно было революционизировать Галицию. Непосредственно эта роль была мной возложена на Добротворского, в распоряжении которого дано несколько десятков хороших работников. Уже в 1922 году работа Добротворского и его товарищей дала последствия в виде ряда поджогов польских помещиков, уничтожения коммуникаций, политического террора во время выборов в сейм и т.п.

В 1922 г. я одинаково враждебно относился к Польше и Советской власти на Украине, продолжая считать эту власть оккупационно-российской. Понятно, что при таком убеждении я считал необходимым за всякую цену продолжать борьбу против Советской власти на Украине. Но все меньше и меньше находил я элементов, поддерживающих эту борьбу. Посылать же из-за границы элементы эмиграции для продления революционной борьбы я находил нецелесообразным, главным образом потому, что считал возможным использование эмиграционных элементов на польской оккупации. В принципе я считал необходимым, чтобы на Украине и в сфере польской оккупации были созданы независимые одна от другой украинские организации, и какие должны быть сейчас в связи между собой и только в будущем слиться в одну. Для этого в Галиции была реорганизована местная революционная организация, а на Украине создавалась Всеукраинская Военная Рада, как оказалось бывшая обыкновенным Бюро ГПУ, через посредство каковой я и приехал в Харьков.

Одним из наилучших средств революционной борьбы против оккупации я считаю систематическое уничтожение экономической силы государства, против которого направлена борьба. В то же время я признаю, что экономическое развитие Украины есть гарантия ее самостоятельности и

успеха в борьбе против денационализаторского похода Нации, которая в данный момент находится в сравнительно лучших условиях. Поскольку на Украине ликвидировано крупное чужонациональное землевладение, мне нужно было искать объектов для революционных ударов в ином направлении, вплоть до перенесения борьбы на территорию господствующих наций. Но где было взять сил, какие это сделали бы [?]. Борьба может быть успешной, когда в эту борьбу есть надежда втянуть широкие массы. Поскольку на Украине чувствуется упадок интереса масс к революционной борьбе, я логически пришел к выводу про необходимость анализа причин упадка революционных настроений. Несмотря на то, что в последнее время я довольно регулярно читал Советскую прессу, я не мог прийти к окончательному выводу относительно интересующих меня вопросов о действительном положении советских государств и особенно на Украине. Пришлось серьезно задуматься над решением 12-го съезда РКП по национальному вопросу. Сразу я считал, что все эти решения есть обыкновенный тактический ход для окончательного усыпления революционной энергии в массах угнетенных наций. Дальнейшие события поколебали мои убеждения.

Теперь про мои отношения с французами и румынами. После свидания с ген. Нисселем в 1921 г., какое не дало никаких последствий, я не имел сношений с французами. Только осенью 1922 г. во Львов приехал полковник с французской миссией (не помню фамилии) и говорил со мной о создании единого противобольшевистского фронта. С той же целью и приблизительно тогда же от русских монархистов (группа Кирилла Владимировича) и на ту же тему вел переговоры со мной князь Хованский (псевдоним Леснобродский), приезжал еще с Черновиц французский консул [втрачено с. 33 і 34] проявилась и вследствие которой я вынужден принимать решение в условиях, дающих право Советской власти сомневаться в искренности моих сегодняшних заявлений.

Всеукраинская Военная Рада была единая организация, какую я считал реальною антирусской силой на Украине, враждебной нынешней власти. Поскольку определилось, что В.В.Р., как таковая не существует и не существовала, я убедился, что при современном положении на Украине и при проведении в жизнь постановления 12 съезда РКП и в будущем нет и не будет оснований для борьбы против русской оккупации как несуществующей. Лично я никогда не был принципиальным противником советской власти, как власти Украинских рабочих и крестьян, – наоборот, как раз при такой форме власти я считал обеспеченным от участия в управлении Украиной буржуазии враждебных Украине национальностей, каковая только и была на Украине. Только убеждение, что советская власть была маской походу русского национализма на Украину, принуждало меня долго и упорно бороться против нее.

Краткое, хоть и вынужденное пребывание мое на территории Совет-

ской Украины, пока что поверхностные знакомства с Советской прессой по национальному вопросу, с практическими мерами, принимаемыми советской властью для обеспечения свободного развития бывших угнетенных наций, а также личное знакомство с некоторыми видными представителями Советской власти в корне поколебало мое убеждение в антиукраинской природе нынешней Советской власти на Украине. Во мне растет убеждение, что угнетенные нации в лице Советской власти нашли могущественного союзника против господствующих наций, наций угнетателей.

Положение восьми с половиной миллионов украинцев, находящихся в границах Польши, Румынии, Чехии чрезвычайно тяжело в сравнении с положением на Советской Территории. В непрерывной борьбе, каковая пока что скрытно проводится между западом и Советскими Республиками, место Украинских патриотов не на стороне запада, – таково мое сегодняшнее убеждение, являющееся следствием долгого и тяжелого опыта и наблюдений, какие мне удалось сделать на территории Советской Украины.

Взвесив все обстоятельства в данный момент и принимая во внимание все последствия на будущее, я решаюсь отдать себя во распоряжение Украинского Советского правительства, надеюсь, что с момента взрыва вооруженной борьбы (неизбежной) между Советской Украиной и западными соседями Украинское Советское правительство разрешит мне стать в ряды активных защитников Украинского народа от Национального и Социального гнета со стороны поляков, румын и прочих «великих держав».

Было ли рациональным так долго и упорно проводить вооруженную борьбу за освобождение Украинской нации под Украинским Национальным Флагом не только против ЕДИНОДЕЛИМОВЦЕВ либерально-буржуазного и монархического толка, а и против СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, мозг и хребет которой составляет коммунистическая Партия, которая давно принципиально разрешила национальный вопрос в направлении полного равноправия наций? На этот вопрос отвечаю:

Да, борьба была рациональна, потому что когда практика буржуазии [и] монархистов в национальном вопросе не расходилась с их принципами, то в Коммунистической партии дело обстояло хуже – практика Советской власти в национальном вопросе не отвечала, а иногда противоречила принципам коммунистической партии. И особенно было необходимо бороться под национальным флагом Украинской нации, само существование которой было под большим сомнением, и не только царские чиновники совершенно искренне считали Украину выдумкой кучки галичан и Грушевского. Нужно было бороться, чтобы борьбой доказать жизнеспособность Украинской нации и Украинской национальной идеи, так как мертва та идея, в защиту которой никто не хочет идти на борьбу и лить кровь, так как нельзя ничего строить, не разрушая.

Борьба угнетенных наций под национальным флагом есть

неизбежно. Только она напоминает про силу хищнического империализма наций господствующих, империализма, какой даже при советской власти пробует ассимилироваться, чтобы сделать эту власть средством для своей цели.

Борьба угнетенных под национальным флагом только тогда начинает быть абсурдом, когда уничтожается первопричина, вызывающая эту борьбу, когда исчезает гнет империализма. Для борьбы против артиллерии нужна артиллерия. Для борьбы против воюющего национализма одних есть необходим воюющий национализм других. Когда исчезает первый, тогда нет смысла существования другого.

Формальное равноправие дает угнетенной нации не больше, нежели формальное политическое равноправие дает рабочим массам капиталистического государства, где средства угнетения все же остаются и на будущее в руках угнетателей. Если компартия бесповоротно до конца доведет принципы своей программы по национальному вопросу в жизнь, – это будет Революция, по своим последствиям имеющая не меньшее значение, нежели Революция Социальная. Но, безусловно, проведение этой программы будет встречать на своем пути не меньше преград, нежели проведение социальных вопросов. Для проведения в жизнь программы по национальному вопросу потребуется сильное напряжение в продолжении долгого ряда лет.